

ЖОУЖЪ ВЪЖЪЖЪ

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ М. А. СУВОРИНЪ.

БЪЛГРАДЪ, Воскресенье 18 мая 1924 г.

№ 918

Между прочимъ, читая письма Чехова къ женѣ, я вспомнилъ письма графа А. К. Толстого (поэта) къ женѣ, напечатанныя, кажется, двадцать лѣтъ тому назадъ въ „Вѣстникѣ Европы“. Писемъ было немного, нѣсколько десятковъ. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе подлинное, индивидуальное, своеобразное, тонкое, никѣмъ не сказанное раньше, очаровательное. А говорилось и тамъ о пустякахъ. И тамъ характерно было дѣтское простодушіе, капризная шалость ума и сквозила между строкъ печаль. Появились ли въ печати когда-нибудь болѣе полныя собранія писемъ поэта Алексѣя Толстого? Что-то не помню... гдѣ, у кого они? И сколько лежитъ такихъ, навѣки погребенныхъ семейныхъ кладовъ золотого вѣка нашей единственной въ мірѣ, нигдѣ не повторившейся, культурной Помпеи, засыпанной пепломъ внезапной бѣды, этой же Помпеей на свою голову накликаемой. Не всѣмъ, какъ Чехову, выпало на долю счастье или несчастье быть собраннымъ и изданнымъ въ мельчайшихъ клочкахъ бумаги. Такія книги всегда въ сущности извѣстная книжная роскошь. Онѣ ничего не даютъ потребностямъ дня и собственно рассчитаны на любителей, гастрономовъ—знатоковъ-дегустаторовъ литературы. Рядовой читатель, преисполненный къ тому же волненіями необыденной дѣйствительности, на непропорціально отпущенной этому сборнику обыденщинѣ запнется. Невольно досадуешь на скупость выдержекъ изъ писемъ О. Л. Книпперъ. Судя по подстрочнымъ цитатамъ, письма ея представляютъ видимо немалый интересъ, а для исторіи Московскаго Художественнаго театра совсѣмъ исключительный. Годы эти совпадаютъ съ началомъ и расцвѣтомъ театра. Это было его лучшее время. Оно потомъ больше не повторилось.

Н. Чебышевъ.

Письма Чехова.

Письма А. П. Чехова къ О. Л. Книпперъ-Чеховой. Изд. книгоиздательства „Слово“ Берлинъ. 1924 г.).

Книга ничего не прибавила къ писательскому имени Чехова, къ характеристикѣ его или современниковъ. Это письма больного, жалкаго Чехова, проводившаго большую часть года въ Ялтѣ, гдѣ онъ убійственно скучалъ. Такъ могъ скучать тамъ только прикованный болѣзнью къ южному берегу писатель, называвшій Крымъ „теплой Сибирью“.

Онъ тянулся къ Москвѣ, куда ему зимой доступъ былъ закрытъ и гдѣ жила его жена, артистка Художественнаго театра. Смотрѣлъ онъ уже въ глаза смерти. Письма, особенно подъ конецъ, переполнены указаніями на кашель, температуру, дѣйствіе пищеваренія. „...Вчера у меня очень болѣлъ животъ, когда я переписывалъ IV актъ (Вишневаго сада) и я не могъ вписать ничего новаго“. (Стр. 360).

Въ письмахъ, какъ радій, крупинками приходится собирать скудныя замѣчанія общаго значенія. Только мѣстами выступаютъ присущій Чехову добрый смѣшокъ, „мягкая лучистая улыбка“, дѣтская шутка, пришедшійся какъ по мѣркѣ образъ, юмористическая сценка, очерченная въ рокурсъ однимъ брошеннымъ словно невзначай штрихомъ.

Про Горькаго: „...Одно только въ немъ, или вѣрнѣе на немъ нескладно—это его рубаха. Не могу къ ней привыкнуть, какъ къ камергерскому мундиру“. (Стр. 149).

„...Здѣшнія утки тощи и жестки, какъ хищныя птицы“. (Стр. 377).

„Вчера была у насъ высокая Ольга Михайловна, говорила о любви, обѣщала прислать сельдей“. (Стр. 366).

„...Получилъ изъ вашего театра списокъ пьесъ, предполагаемыхъ къ постановкѣ. Есть между прочимъ „На всякаго мудреца довольно простоты“ Островскаго. Вѣдь это русифицированный „Тартюфъ“; это крымское „Бордо“... (Стр. 287).

И это почти все на протяженіи довольно объемистой книжки, болѣе чѣмъ въ 400 страницы! Чехову точно не до того. Вниманіе занято маленькими хозяйственными заботами, мелкими повседневными событіями, сообщеніями вродѣ слѣдующаго: „у меня ногти стали длинные, обрѣзать некому. Зубъ во рту сломался. Пуговица на жилеткѣ оторвалась“. (Стр. 270). Часто сообщаются свѣдѣнія, что платье, сапоги вычищены, что вымыта шея. „Фламандскій соръ“ очевидно удѣлъ переписокъ съ женами, изобличаемыхъ критиками изъ лѣваго стана, гдѣ на основаніи подобныхъ семейныхъ документовъ лишній разъ произносился судъ надъ „ненавистнымъ“ режимомъ...